

ЛИНА МАК
ДЕРЗКИЙ

#ПЛОХАЯ_ДЕВОЧКА

18+

Лина Мак

Дерзкий. #плохая_девочка

<https://litres.ru/74436887>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты меня не касаешься. Я здесь только доктор.

— Лёля, — он делает последний шаг ко мне и медленно наклонившись произносит почти шёпотом. — Я тебя и так не касаюсь.

— Отойди.

— Ты дрожишь.

— Ты меня пугаешь.

— Нет. — Он выпрямляется, и в светлых глазах у него плещется нездоровый азарт. — Пугал бы тебя я — ты бы уже плакала. Ты дрожишь по другой причине, малышка. И тебе это очень не нравится.

Он — Дерзкий.

Парень, от которого у хороших девочек должны включаться инстинкты самосохранения.

Я была слишком правильной, чтобы смотреть в его сторону.

Слишком холодной, чтобы отвечать на его наглую улыбку.

Но одна ошибка — и моя идеальная жизнь вспыхнула, как спичка.

Теперь главный вопрос не в том, кто он. А в том, кем рядом с ним стану я.

ЭТА ИСТОРИЯ ПИШЕТСЯ В РАМКАХ литмоба
"Хэштегнутые"

Будет страшно, страстно и совершенно по-взрослому

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лина Мак

Дерзкий. #плохая_девочка

Глава 1

Хорошие девочки должны спать в час ночи. Они уже смотрят десятый сон и дают уставшему организму отдохнуть, потому что завтра будет снова день, снова обязанности, снова работа и...

— Лёля, — хриловатым голосом тянет эта наглая рожа, что сидит сейчас развалившись в кресле.

Он прикрывает глаза всего на мгновение и слишком наигранно откидывает голову на подголовник, будто пробуя на вкус моё имя. Ноги широко расставлены, на голове короткий ёжик волос. Тело спортивное, даже очень, но он и не качек.

Вся комната пропитана его запахом и чем-то ещё опасным. От таких парней, хорошие девочки должны держаться подальше. От них всегда одни проблемы. Но я не могу уйти. Не имею ни малейшего права!

— Мышка, которая пришла в пасть льва для того, чтобы спасти... кого, малышка? — спрашивает он, растягивая каждое слово с такой ленцой, что будто ему всё равно.

Но от его голоса у меня по спине пробегает мороз, который поднимается к волосам на затылке и покалывает кожу

головы, неприятно царапая все нервные окончания.

Я слишком хорошо знаю таких парней. Это не та масса, которая любит казаться крутой, но только начинает касаться чего-то серьёзного, как они превращаются в сыночек-корзиночек и сразу же прячутся за юбки. А потом удивляются, почему в нашем мире у девушек яйца больше.

Это та порода от которых ты получаешь самое большое удовольствие в жизни, и талантливо, даже филигранно, разбитое сердце. Которое потом не соберёшь никогда.

Но сейчас не об этом. Я же воспитанная. Я всегда старалась держаться на расстоянии от всего этого дерьма. Но это я, а у меня есть ещё братик, чтоб ему пусто было!

— Я пришла сюда за братом, — отвечаю спокойно, будто снова попала на практику в психиатрическую клинику и общаюсь с буйным пациентом.

Главное же что? Правильно! Не провоцировать.

— Да? — он вскидывает бровь и снова осматривает меня слишком придирчиво.

Да, выгляжу я простенько для этого места. Но лучше уж так, чем светить своими прелестями.

Худи оверсайз, под которой спрятан спортивный топ, джинсы трубы, волосы собраны в небрежный пучок, чтобы не мешали, и никакого макияжа.

— И кто же твой братик? — спрашивает он издевательски, хотя прекрасно знает кто. — А знаешь, я придумал. Давай я сегодня побуду твоим братиком. И ты меня спасешь.

От его расслабленности не осталось и следа. Он быстро, но так грациозно встаёт с низкого кресла, что я невольно сглаживаю от усиливающегося напряжения.

Колючий взгляд слишком светлых, голубых глаз, проходится по мне снова, задержавшись на губах, которые так позорно пересохли в моменте.

Майка натянулась на его напряжённом теле, а в свете красных приглушённых ламп этой комнаты он напоминает мне настоящего демона.

Костяшки сбиты, на губе запёкшаяся кровь, а на предплечье виден приличный такой синяк, но он будто не чувствует этого всего.

Он делает всего один шаг. Не больше. А мне хочется отступить на три. Но я не отступаю. Потому что хорошие девочки, может, и спят в час ночи, но плохие вещи с ними случаются именно тогда, когда они начинают пятиться.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спрашиваю ровно совершенно не то, что должна.

Голос не подводит, и это радует. Хотя что-то во мне сегодня работает по инструкции.

— А мне понравилось, — он наклоняет голову набок, разглядывая меня, как медсестра разглядывает вену перед проколом. — Лёля. Ласково так. Прямо малышка.

— Меня зовут Алёна.

— Мне не Алёна нужна была, — он усмехается разбитой губой, и в этой усмешке нет ни капли веселья. — Твой Мить-

ка, когда ему рёбра считали, орал не «мама». Он орал: «Лёлю не трогайте».

И вот тут у меня внутри что-то обрывается. Тихо, без звука. Как нитка на шве.

Потому что до этой секунды я ещё держалась за версию, что мой девятнадцатилетний идиот просто влез в долги. Что сейчас я заплачу, отвешу ему подзатыльник, привезу домой, и мама даже не узнает.

Но фраза «когда ему рёбра считали» заставляет меня замереть.

— Где он? — я слышу свой голос со стороны, и он мне не нравится.

— Заинтересовалась, — довольно тянет этот. — А то стояла тут, как отличница у доски. Даже скучно стало.

— Где мой брат?

— Идём.

Он разворачивается и идёт к двери — вот так просто, будто мы договорились, будто я уже согласилась на что-то, о чём мне ещё не сказали. И я иду за ним.

Умница, Алёна. Пятёрка по глупости. Автоматом.

Коридор узкий, бетонный, с гудящей за стеной толпой. Гул живой, плотный. Так гудит только большая масса людей, которая пришла посмотреть, как кому-то будет больно. Пахнет потом, железом и дешёвым антисептиком, и от этого запаха у меня в голове щёлкает переключатель: приёмник, ночная смена, каталка.

Так проще. Пусть будет смена. Пусть будет работа.

— Осторожно, тут ступенька, — не оборачиваясь, бросает он.

— Спасибо, я вижу, — отвечаю на автомате.

— Ты много чего сейчас увидишь, мышка. Держись за мою руку, если что, — дерзко хмыкает он и протягивает в мою сторону руку.

А я даже не сразу соображаю, что сравнение у меня пришло такое, что в пору захохотать. Да только не смешно. Но это я узнаю позже. А пока...

— Обойдусь.

— Как знаешь, — и теперь я замечаю оскал на его губах, как только он толкает дверь и чуть поворачивает в голову в мою сторону.

И вся моя ночная смена, весь мой профессиональный тон, вся моя выдержка — всё это сыпется на пол одним движением.

Митя сидит на полу у стены. Мой Митя. С которым мы делили одну комнату двенадцать лет. Который в семь лет клялся, что женится на мне, потому что «другие девочки дуры». Который вчера писал мне «Лёль всё норм не парься».

Ну что! Зашибись у него «всё норм». Левый глаз заплыл так, что не открывается. Губа рассечена. Футболка на груди тёмная, и я очень надеюсь, что это не то, чем кажется. Он держится за бок — правой рукой, локоть прижат, дышит мелко, поверхностно, короткими глотками.

Так дышат, когда рёбра повреждены.

— Лёль, — сипит он и пытается улыбнуться. — Ты чё... ты чё тут...

— Молчи.

Я уже на коленях рядом. Уже держу его лицо в ладонях, поворачиваю к свету, и руки у меня — я вижу это со стороны, как чужие — совершенно спокойные.

Спасибо, кафедра. Спасибо, три ночных смены в неделю. Внутри меня орёт двадцатидвухлетняя девчонка, а руки работают сами по себе, засовывая эту истеричку подальше.

— Смотри на меня. За пальцем следи. Тошнит? — быстро произношу каждое слово.

— Не-а...

— Голова кружится?

— Лёль, я норм... — пытается сопротивляться Митька, но я вижу его норм. И знаю чем он заканчивается.

— Я спросила: кружится?

— Немного, — сдаётся он.

— Дыши. Только не глубоко, не надо. Вот так, спокойно, — быстро отдаю четкие команды.

Задираю футболку. Слева, по восьмому-девятому ребрам уже растекается гематома. Пальпирую ребро, он шипит и дёргается, но характерного похрустывания нет, что уже хорошо. Живот мягкий. Очень хорошо.

— Пить давали?

— Нет.

— И не давайте, — говорю в пустоту, потому что не готова сейчас обернуться и посмотреть в глаза этому животному. — Если внутреннее кровотечение — оперировать на полный желудок нельзя.

Но за спиной — тишина. Ни ржача, ни шуточек, ничего, что я уже мысленно жду. Оборачиваюсь и натываюсь на его внимательный взгляд.

Он стоит в дверях, прислонившись плечом к откосу, руки в карманах, и смотрит на меня так, как никто и никогда на меня не смотрел.

Без наглости. Без насмешки. Но с таким интересом, с каким смотрят на инструмент, который случайно оказался ровно тем, что нужно.

И вот от этого взгляда мне становится по-настоящему страшно. Куда страшнее, чем от всего предыдущего. Неприятные ощущения снова прошивають сознание, но уже поздно сдавать назад.

— Ему нужна больница, — говорю я. — Сейчас. Ушиб рёбер, возможно, сотрясение.

— Не нужна, — лениво отвечает он.

— Ты врач?

— Нет, — он отталкивается от откоса. — Я тот, кто решает, поедет он куда-нибудь или нет.

— Он поедет со мной.

— Полтора.

— Что? — не понимаю я его слова.

— Полтора миллиона, Лёля, — говорит он спокойно, без нажима, и от этого спокойствия у меня холодеют пальцы. — Твой братик держал кассу на ставках. Один вечер. Один. И решил, что если поставит чужое на себя — станет большим мальчиком.

— Врёшь, — шепчу я и снова убеждаюсь, что моё предчувствие не подвело.

— Мить, — не отводя от меня глаз, зовёт он. — Я вру?

Тишина. Очень длинная тишина, в которой я слышу, как за стеной толпа взрывается ором — там кто-то кого-то избивает, и людям хорошо.

— Митя. — Я не оборачиваюсь, потому что таких хищников нельзя выпускать из поля зрения, но у голоса проскальзывает мольба: — Скажи, что он врёт.

— Лёль...

Одно слово и вся моя жизнь, аккуратная, расписанная по часам, с ординатурой в планах и маминым «главное — не лезь, куда не просят», складывается пополам и рвётся по сгибу.

Я закрываю глаза. Делаю вдох. Считаю до трёх. Открываю.

— Хорошо, — говорю я и поднимаюсь.

— Хорошо? — он вскидывает бровь и смеётся. — Ты сейчас скажешь, что у тебя нет полутора миллионов. — и это не вопрос.

— Ты сам знаешь, что нет.

— Знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Я не спрашиваю, — он подходит, и теперь между нами всего полшага, и я чувствую его жар, адреналин, кровь. И мне надо смотреть ему в лицо снизу вверх, а это, чёрт возьми, страшно неудобная позиция для разговоров о жизни моего брата: — но мне нравится, как ты держишь спину, когда врёшь.

— Я не вру.

— Врёшь, — довольно тянет Дерзкий будто получает удовольствие от всей этой ситуации. — Ты трясёшься.

— Я не трясусь.

Он медленно поднимает руку и обхватывает мою кисть двумя пальцами. За запястье. Прямо там, где радиальная артерия, где я сто раз в день считаю чужой пульс.

И я понимаю, что мой заходится под его пальцами так, что стыдно.

— Сто двадцать, — говорит он тихо. — Или больше. Ты же считать умеешь, доктор.

Я выдираю руку. Он отпускает — сам, легко, как будто ему и не нужно было держать.

— Это адреналин, — цежу я. — Стрессовая тахикардия. Нормальная физиологическая реакция на угрозу.

— Ага, — соглашается он. — Хорошие обозначение. Я — угроза. Запомни.

— Уже запомнила, — огрызаюсь на автомате.

И тут он улыбается. По-настоящему. И на разбитой губе

снова выступает кровь, и в красном свете это выглядит так, что у меня в голове окончательно перегорает пробка приличия.

— Ты мне нравишься, Лёля.

— А мне плевать, — с меня вырывается раньше, чем я прикусываю себе щеку изнутри.

— Я знаю. И это самое интересное.

Он отходит, берёт со стола бутылку воды, отпивает, вытирает тыльной стороной кисти губу, а я снова отмечаю сбитые костяшки, свежая ссадина под большим пальцем, а он оглядывает меня с ног до головы. Уже иначе. Будто прикидывая что-то в голове.

— Ставка, — говорит он. — Полтора ляма. Пацан не отработает — он у нас теперь бегают медленно.

— Не смешно, — вздрагиваю от его слов.

— Не смешно, — соглашается он. — Так что отработаешь ты.

— Я — что?

Мой голос звучит совершенно не так, как я себя чувствую. А чувствую я себя... да не чувствую. У меня паническая атака начинается. Дыхание становится затруднённым, от чего мозг начинает улавливать ложные сигналы, что я задыхаюсь. Желудок стягивает в тугую ком. Ещё несколько спазмов и меня стошнит. Благо я ничего так толком и не поела.

Но это внутри. Внешне я продолжаю стоять между младшим братом и тем, который рассматривает меня, как новую

зверушку в своём питомнике.

— У меня каждую пятницу и субботу — восемь боёв. Иногда двенадцать. Разбитые брови, вывихи, сломанные пальцы, отключки. Знаешь, что мы с этим делаем?

— Ничего. Судя по нему, — и машинально указываю в сторону Митьки.

— Мы едем в травму, где сидит хмырь, которому надо платить и который потом стучит куда следует. — Он ставит бутылку. — А теперь у меня будет свой доктор.

— Я не доктор, — говорю я и слышу, какая это жалкая фраза. — Я на шестом курсе.

— Ты сейчас за две минуты сделала больше, чем этот хмырь за год.

— Это называется первичный осмотр, а не «сделала».

— Мне без разницы, как это называется. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Пятница и суббота теперь будут мои. Полгода. И братик твой чист, и никто никогда не узнает, что он вообще тут был. Ни мать, ни бабка, ни мусора.

Бабка. Он и про бабушку знает. Я стою в подвале, в котором пахнет чужой кровью, и очень отчётливо понимаю: обо мне уже собрали информацию.

— Ты давно за нами следишь? — тихо спрашиваю я.

— С того вечера, как подвозил твоего братика домой, — отвечает он без паузы, чуть склоняя голову набок, заглядывая мне в глаза уже под другим углом: — Ты, кстати, спишь мало. Свет в кухне до двух горит.

Меня прошибает так, что я едва удерживаю лицо.

— Ты больной.

— Я аккуратный, — поправляет он. — Больной — это мой брат. С ним ты бы сейчас разговаривала иначе. Точнее, вообще не разговаривала бы.

— И что мне, спасибо сказать?

— Было бы приятно.

— Обойдётся.

— Ладно, — легко соглашается он. — Тогда просто скажи «да».

Митя за моей спиной сипит:

— Лёль, не надо. Я сам...

— Заткнись, — шиплю я обречённо. — Пожалуйста.

Оборачиваюсь и смотрю на него — на своего дурака, на своего мальчика с заплывшим глазом — и понимаю, что уже всё решила. Ещё в тот момент, когда увидела его на этом полу.

Просто теперь придётся произнести это вслух.

Я возвращаю взгляд на него и только сейчас осознаю, что мне конец.

— Условия мои, — говорю ровно. — Первое: он едет в больницу. Сегодня. Со мной. Рёбра надо снять, и если там гемоторакс, ты будешь искать себе не доктора, а адвоката.

Он молчит секунду, но кивает.

— Второе: я лечу. Я не смотрю, не слушаю, не помню лиц. И я не пишу ничего, что можно предъявить.

— Разумно.

— Третье. — Я делаю вдох. — Ты меня не касаешься. Я здесь только доктор.

Вот тут он замирает. А потом делает шаг. Тот самый, которого я ждала весь этот разговор.

Медленно наклоняется — так близко, что я чувствую его дыхание у виска, его странный, слишком подавляющий запах, и не двигаюсь, потому что если сейчас отшатнусь, то проиграла.

— Лёля, — почти шёпотом. — Я тебя и так не касаюсь.

— Отойди.

— Ты дрожишь.

— Ты меня пугаешь.

— Нет. — Он выпрямляется, и в светлых глазах у него плещется нездоровый азарт. Чистый, злой, мальчишеский. — Пугал бы тебя я — ты бы уже плакала. Ты дрожишь по другой причине, малышка. И тебе это очень не нравится.

— Как. Тебя. Зовут? — выговариваю я по слогам, потому что мне надо хоть за что-то держаться.

— Ден.

— А там? — я киваю на дверь, за которой ревёт зал, где кто-то только что выкрикивал одно и то же слово, пока я шупала рёбра брата.

— А там — Дерзкий.

Ну конечно. А как ещё.

— Пятница, — говорит он, отступая и открывая передо

мною дверь. — В девять. За тобой приедут.

— Я сама.

— За тобой приедут, — повторяет он тем же ленивым тоном, каким тянул моё имя в начале. — И, Лёля...

Я оборачиваюсь. И только сейчас понимаю, что зря.

Потому что он смотрит на меня так, будто уже прочитал всё, что я собираюсь скрывать от него следующие полгода.

— К третьему условию мы ещё вернёмся, — говорит Дерзкий. — Обещаю.

Дорогие мои читатели, добро пожаловать в мою новую историю, которая пишется в рамках литмоба "#Хэштегнутые".

Дерзкие, опасные, отбитые и совершенно плохие парни, которые никого не оставят равнодушными!

Присоединяйтесь к этим наивняшкам) Будем их воспитывать... ну или он и нас! Как получится.

А вот и на ДЕРЗКИЙ!!!

Глава 2

Она уходит с братом под руку — маленькая, злая, с прямой спиной, — и я стою в этом странном коридоре, как школьник, и смотрю ей вслед.

Двенадцать лет тут ошиваюсь. Видел, как ломаются мужики вдвое старше и втрое здоровее. Как плачут, как торгуются, как сдают своих быстрее, чем я успеваю задать второй вопрос.

А эта встала на колени в чужую кровь и спросила, давали ли ему пить.

— Ты чё, дебил? — Олег отклеивается от стены. Он всё это время стоял там, в темноте, курил и слушал. Красавчик, чтоб его. — Ты нам медсестру нанял?

— Врача.

— Ты нанял бабу, которая знает, где мы, кто мы, и как выглядят наши пацаны без масок.

— Она не сдаст.

— Откуда, — очень спокойно спрашивает мой брат, — ты, Ден, это знаешь?

Я вытираю губу. Кровит, зараза.

— Она за брата пришла. Одна. В час ночи. В такое место.

— И?

— Такие не сдают, Олег. Такие ложатся сверху и терпят.

Он затягивается. Смотрит на меня долго, и я знаю этот взгляд — так на меня смотрят с четырнадцати лет. Отец так смотрит. Мол, младший, дурной, лезет в костёр за красивым.

— Батя узнает — снимет шкуру с обоих.

— Не узнает.

— Ден.

— Что?

— Ты на неё так смотрел, — говорит Олег, — что я даже за тебя испугался.

И уходит. А я остаюсь. И думаю о том, что она сказала «ты меня не касаешься» голосом отличницы, а пульс у неё под моими пальцами был — сто двадцать.

Наивная, злая девочка Лёля с вдёрнутым носик и глазами оленёнка.

У меня будет полгода и двадцать шесть пятниц.

Я тебя научу быть плохой девочкой. Я в этом мастер.

Нуууу... мы ещё посмотрим, кто и в чём мастер!

А пока... [ЖМЁМ СЮДА и идём читать истории, которые уже стартовали в рамках этого литмоба!!!](#)

Однажды в их жизни появится самый настоящий ред флаг. И тогда встанет выбор: оттолкнуть его или податься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.